

A woman with long, wavy blonde hair and blue eyes is standing in a body of water, looking back over her shoulder. She is wearing a blue, sleeveless, lace-patterned dress. The water is dark blue with ripples. In the background, there is a dense forest of evergreen trees under a dark blue sky. A large, bright full moon is visible in the upper right corner, casting a reflection on the water. The overall mood is serene and romantic.

Патрушев Сергей

Девушка Луна

Сергей Патрушев
Девушка Луна

«Автор»

2026

Патрушев С.

Девушка Луна / С. Патрушев — «Автор», 2026

Алиса, дочь опального рыцаря Пепельного Льда, скрывает древний дар — власть над абсолютным холодом. Когда южная империя Багрового Заката сжигает её дом и убивает семью, девушка вынуждена бежать в ледяные пустоши. Чтобы спасти младшую сестру Миру, Алиса пробуждает запретную силу Луны. Превратившись из напуганной беглянки в легендарную Хель, она собирает армию отчаявшихся северян. Впереди путь через выжженные земли, предательство и битва с огненными магами врага. Но главная война идёт внутри: как не потерять человечность, когда твоя сила питается болью?

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дочь Пепельного Льда	5
Глава 2. Вторжение Багрового Заката	11
Глава 3. Первая Кровь и Лунный Свет	16
Глава 4. Голос Воды	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Девушка Луна

Глава 1. Дочь Пепельного Льда

Снег в королевстве Пепельный Лёд никогда не был белым. Он ложился на промерзшую землю слоями, каждый из которых хранил память о своем годе, своей буре и своих мертвецах. Самый нижний слой, спрессованный под тяжестью столетий до состояния синего камня, отливал пеплом сгоревших когда-то древних лесов. Отсюда и пошло название этих проклятых земель.

Алиса знала этот снег лучше, чем собственное лицо. Она знала, что хруст наста под сапогом охотника звучит иначе, чем скрип шагов патрульного городской стражи. Знала, что если ветер несет с севера запах озона и жженого железа — к вечеру начнется Мертвая Выюга, способная содрать мясо с костей за четверть часа.

Ее утро началось со звона стали. Это была единственная музыка их маленького мира. — Не опускай локоть! — голос отца, хриплый и сорванный еще десять лет назад во время Битвы Тысячи Игл, резал морозный воздух старой казармы. — Меч — это продолжение твоей кости, а не палка в руке! Если ты держишь его кистью, первый же удар тяжелого топора вывернет тебе суставы!

Алиса выдохнула облачко пара, чувствуя, как леденеют ресницы. Ей было семнадцать зим, но по меркам Пепельного Льда она давно считалась взрослой женщиной. Ее руки, загрубевшие от колки дров, стирки в ледяной воде и бесконечных тренировок, были сильными. Но меч в ее руках сейчас казался неподъемной железной балкой.

Отец сделал шаг вперед. Его старый полуторный клинок, покрытый сетью мелких шрамов, свистнул в обманчиво медленном выпаде. Алиса едва успела подставить свой тренировочный меч. Удар пришелся плашмя, но сила инерции выбила оружие из ее ладони. Деревянный клинок улетел в сугроб, подняв фонтан серебристой пыли.

— Снова, — тяжело дыша, бросил отец. Его звали Рорик. Когда-то он носил титул «Щит Севера» и командовал личной гвардией короля, пока предательство при осаде Черного Перевала не стоило ему глаза, легкого и места при дворе. Теперь Щит Севера ржавел в забытом гарнизоне у Последней Межи, охраняя склады мороженой рыбы и старые знамена.

Алиса молча полезла в сугроб. Пальцы в тонких вязаных перчатках мгновенно потеряли чувствительность. Она нашла рукоять, стряхнула липкий снег и вернулась в стойку. — Почему мы тренируемся здесь? — спросила она, снова поднимая меч. — На плацу теплее. Там хоть ветра нет. — Тепло делает мягким, — отрезал Рорик. — Здесь, у Межи, смерть дышит тебе в затылок каждое мгновение. Если ты научишься держать сталь, когда твои пальцы синеют от холода, в теплом зале ты будешь танцевать. Нападай.

Она напала. Выпад, финт, попытка зайти сбоку. Рорик даже не сдвинулся с места. Он просто поворачивал корпус, принимая удары на плоскость клинка или отводя их в сторону минимальными движениями. Для него бой был не танцем, а экономией сил. Выживание на севере строилось на арифметике калорий: потеть в драке означало замерзнуть насмерть через час, когда одежда пропитается влагой.

Дерево лязгнуло о дерево. Искры не летели, но звук стоял такой, словно рубились два голема из гранита. В какой-то момент Алиса оступилась. Кабаль провалился в скрытую под настом яму. Она начала падать назад, прямо на выставленный отцовский клинок. Время замедлилось. Она видела каждую зазубрину на старой стали, видела свое искаженное отражение в сером металле.

И мир взорвался холодом другого рода. Это не был холод воздуха. Он родился где-то между ее лопаток, прокатился по позвоночнику жидким азотом и ударил в кончики паль-

цев. Зрение обострилось до болезненной резкости. Она увидела не просто снежинку, падавшую перед ее лицом — она увидела идеальный гексагональный узор на ней, увидела микроскопические пузырьки воздуха внутри льда. Она услышала, как далеко на юге, за сотни лиг отсюда, трескается под собственной тяжестью вековой ледник. Она почувствовала пульс земли — тяжелый, замерзающий, больной.

Рорик остановил клинок в волоске от ее горла. Он тоже почувствовал это. Воздух вокруг них пошел мелкой рябью, и на старых железных петлях ворот ближайшей башни начал стремительно нарастать иней.

— Опусть, — тихо сказал отец.

Алиса моргнула. Наваждение схлынуло так же внезапно, как и пришло. Осталась только дрожь в коленях и странное покалывание на языке, похожее на вкус расколотого графита. Иней на воротах медленно таял, стекая черными каплями. — Что это было? — прошептала она. — Ничего, — Рорик убрал меч и протянул ей руку, помогая встать. Его единственный глаз смотрел цепко и тревожно. — Устала. Холодно. Пошли домой. Мать зажалась, завтрак стынет.

Он всегда уходил от ответов. С тех пор, как три года назад, во время охоты, Алиса впервые заметила, что может заставить воду в ведре покрыться корочкой льда одним прикосновением, отец делал вид, что ничего не происходит. Он лишь усиливал тренировки, заставляя ее выкладываться до полного изнеможения, чтобы ночью она падала замертво и не бродила по двору, глядя на луну.

Они вошли в дом. Их жилище представляло собой низкий каменный барак, прилепившийся к внешней стене форта. Внутри пахло дымом, сушеными травами и кислым тестом. Мать, Илва, стояла у очага. Она была полной противоположностью мужу — мягкая, круглая, с вечно красными от горячей воды руками. Она не была северянкой; Рорик привез ее из Зеленодолья, теплого края садов и медовых рек, и эта чужая кровь теперь медленно угасала в Илве, пожираемая лютыми зимами. — Опять заморозили девочку, — проворчала она, снимая с огня чугунок. От варева из репы и солонины шел густой пар. — Садись, горе луковое. Лицо белое, как простыня.

Завтрак проходил в молчании. Так жили все в Пепельном Лье. Еда была топливом, сон — перезарядкой оружия. Разговоры велись только вечерами, когда за стенами начиналась настоящая буря, и можно было позволить себе роскошь тратить дыхание на слова. — Сегодня после обеда пойдешь к тетке Марте, — сказала Илва, подкладывая дочери кусок жесткого хлеба. — У нее соль кончается. Ночью обещали усиление ветра, нужно успеть до пурги. — Я могу сходить, — отложив ложку, произнес Рорик. — Мне все равно к коменданту. — Твоя спина опять сводит тебя с ума, старый медведь, — вздохнула Илва. — Какой из тебя посыльный? Сиди уж. Алиса пойдет. Заодно забереешь мой заказ у кожевника, — обратилась она уже к дочери.

После завтрака Рорик ушел проверять караулы, а Алиса занялась хозяйством. Она колола дрова для печи. Каждый удар колуна отдавался приятной тяжестью в мышцах. Работа заземляла. После того утреннего приступа на тренировочной площадке ей отчаянно хотелось чувствовать себя обычным человеком. Плотью и кровью, а не ходячим куском льда.

Днем форт жил своей унылой жизнью. Солдаты чистили амуницию, женщины полоскали белье в проруби, дети, закутанные в меха так, что оставались видны только глаза, катались с обледенелых крыш на деревянных санках. Никто не обращал внимания на дочь опального рыцаря. Для них она была просто тихой девушкой с тяжелым взглядом.

К тете Марте пришлось идти через весь верхний город. Алиса накинула поверх шерстяного платья тяжелую шубу из шкуры пещерного медведя — подарок отца за выигранный внутренний турнир гарнизона — и плотно затянула шарф. Мороз сразу впился в щеки. Солнце, бледное и равнодушное, висело над зубцами гор свинцовой монетой. Оно давало свет, но не давало тепла.

У лавки кожевника толпился народ. Очередь двигалась медленно. Алиса встала в хвост, пряча нос в меховой воротник. Чтобы скоротать время, она закрыла глаза и сосредоточилась на том самом ощущении холодного родника в груди. *Обостри чувства*. Сначала появился слух. Гул толпы распался на отдельные звуки. Она слышала, как в соседней булочной муха бьется о стекло (откуда зимой муха?), хотя оконные рамы были толщиной в ладонь. Она слышала, как глубоко под землей, в дренажных тоннелях форта, журчит незамерзающая вода. Затем зрение. Очередь перестала быть размытым пятном. Она видела каждую ниточку на заплатанном рукаве стоящего впереди старика. Видела трещины на бревнах противоположного дома за тридцать шагов.

Кто-то толкнул ее в плечо. Алиса открыла глаза. Перед ней стоял сын местного купца, Борин. Толстый, румяный от постоянного сидения у огня, одетый в новехонькую бобровую шапку. — Просыпайся, нищенка, — ухмыльнулся он. — Или твой папаша-пропойца забыл рассказать тебе, что благородным леди положено иметь манеры?

Алиса проигнорировала его. Спорить с купеческими отпрысками было бесполезно. Они владели всем теплым в этом городе, покупая тепло у таких, как ее отец, которые это тепло защищали ценой своих жизней. — Я к тебе обращаюсь, — Борин дернул ее за косу, выбившуюся из-под платка. — Говорят, твой отец сегодня утром чуть не убил тебя на заднем дворе? Старый дурак совсем выжил из ума. Ему место в богадельне, а он...

Что-то щелкнуло внутри. Тот холодный родник, который она пыталась усмирить, вдруг вскипел. Воздух вокруг них резко похолодал. Пар изо рта Борина, только что валивший густым облаком, превратился в крошечную струйку, а затем исчез вовсе. Шапка на голове купчика заиндевелила изнутри. — Оставь меня, — тихо сказала Алиса. Голос ее прозвучал ровно, но эхом отразился от стен площади, странно усиленный.

Борин отшатнулся. Его губы посинели. Он попытался что-то сказать, но зубы клацнули друг о друга. Люди в очереди начали оглядываться. Старик впереди перекрестился. — Ведьма, — прошелестело в толпе.

Алиса поняла, что натворила. Сердце забилося испуганно и часто. Она сделала глубокий вдох, мысленно приказывая тому внутреннему льду отступить. Медленно, очень медленно, иней на шапке Борина стал превращаться обратно в капли влаги. Купеческий сын, трясаясь то ли от холода, то ли от страха, попятился и нырнул в переулок. Очередь молча расступилась. Кожевник, выглянув из дверей, без единого слова сунул Алисе сверток с готовой сбруей. — Свободна, — буркнул он.

Домой она бежала. Илва встретила ее на пороге. Одной рукой мать прижимала к груди тряпичную куклу младшей сестры, другой теребила край передника. — По Факельной улице говорят, будто ты заморозила сына торговца Пряностями, — быстро зашептала она, затаскивая Алису в дом. — Хорошо, что комендант списал это на внезапный порыв ветра с вершин. Но люди видели, Алиса. Они смотрели на тебя. — Я не хотела, — выдохнула девушка, скидывая набитую снегом обувь. — Он оскорблял отца. — Дело не в обидах! — Илва схватила ее за плечи. Ее теплые пальцы больно впивались в кожу. — Ты обещала мне. Обещала Рорику. Держать это в узде. Если Святая Инквизиция Солнца узнает... они сжигают таких, как ты, не спрашивая имени. Для них ты — Оскверненная Льдом. Демоново отродье.

Святая Инквизиция. Церковь Вечного Света. Они правили южными землями, где солнце жарило так, что плавился песок. Здесь, на севере, их влияние было слабее — слишком много ресурсов требовалось армии Короля-Солнцеподобного, чтобы удерживать мятежные окраины. Но инквизиторы иногда приезжали. Белые одежды, золотые маски, факелы, горящие даже в самый лютый буран. Они искали ересь. А способность управлять холодом, рождать зиму собственным дыханием, была страшнейшей ересью. — Я контролирую, — попыталась оправдаться Алиса, но голос дрогнул. — Просто иногда оно само... — Оно не бывает «само», — перебил вошедший в комнату Рорик.

Алиса обернулась. Отец стоял в дверях, опираясь на косяк. Он снял шлем, и седые волосы, коротко стриженные по-военному, стояли дыбом. Единственный глаз метался от лица жены к лицу дочери. — Сколько? — спросил он, расстегивая ремни нагрудника. — Третий уровень, — тихо ответила Алиса. — Почти четвертый. Я почти превратила воду в его легких в лед. Я чувствовала, как она кристаллизуется.

Рорик тяжело опустился на скамью. Он долго молчал, глядя на огонь в очаге. Илва принесла ему кружку горячего взвара, но он даже не притронулся к ней. — Четвертый уровень — это магия стихийников южной академии, — наконец произнес рыцарь. — Магов, которые учатся этому десятилетиями. Тебе даже дышать не надо, чтобы вызвать иней. Достаточно испугаться. — Кто я, отец? — голос Алисы сорвался. Вся ее жизнь, полная тяжелой работы, запаха крови на тренировочном оружии и суровой любви родителей, вдруг показалась фальшивкой. — Мама боится смотреть на меня. Ты прячешь меня, как краденое золото. Каждую ночь, когда восходит луна, мои руки становятся такими холодными, что обжигают простыни. Я смотрю на нее, и мне кажется, что она отвечает мне. Что там, наверху, кто-то ждет моего пробуждения.

Рорик поднял голову. Впервые за долгие годы в его единственном глазу блеснули слезы, тут же замерзшие на ресницах. — Я не знаю, кто ты, — честно ответил он. — Я всего лишь человек, который вытащил младенца из развалин каравана, сожженного налетчиками из Степей Шрама. Твоя мать была при смерти, ты лежала у нее на животе, завернутая в бархат, и твоя кожа была белой, как брюхо мертвой рыбы. Мы думали, ты замерзла. Но ты пошевелилась. И одеяло вокруг тебя стало твердым, как мрамор.

Он перевел дух. — Я принес тебя сюда. Воспитал как солдата. Научил убивать, потому что думал, что умение выпустить кишки врагу спасет тебя от любой беды. Я ошибался. Твое оружие убивает не сталью. И если король или епископ узнают об этом, они посадят тебя на цепь в подвалах Солнечной Цитадели и будут пытать годами, пытаясь понять природу твоего дара. А потом бросят в очистительное пламя.

Вечером, когда Илва ушла укладывать младшую сестру, Рорик позвал Алису на задний двор. Небо расчистилось. Звезды висели низко, острые и колкие, как битое стекло. Луна — огромная, налитая мертвенно-бледным светом, занимала половину небосвода.

Как только ее лучи коснулись крыши дома, Алиса почувствовала привычный зов. Кровь в венах замедлила бег. Кожа на пальцах пошла мурашками, которые не имели отношения к морозу. — Смотри на свои руки, — приказал отец, становясь рядом. — Не сопротивляйся. Хватит прятаться. Нам нужно знать, с чем мы имеем дело.

Алиса подняла ладони навстречу луне. Страх никуда не делся, но теперь к нему примешивалось дикое, первобытное любопытство. Она позволила холоду течь свободно. Лунный свет, попадая на ее кожу, не отражался. Он впитывался. Ладони засветились изнутри призрачным, серебристо-голубым огнем. Это не был свет огня или молнии. Это было холодное сияние самого космоса. Ногти удлиннились, превратившись в тонкие, острые пластины матового льда. Из кончиков пальцев потянулись нити изморози, рисуя на утоптанном снегу сложные фрактальные узоры.

Рорик стоял неподвижно. Его дыхание не превращалось в пар. Воздух вокруг них застыл, став плотным и хрупким. Любой звук умер. Замолчали даже сверчки в подполье, которые умудрялись выживать в их доме круглый год. Мир вокруг перестал существовать. Остались только двое — бывший рыцарь и его светящаяся льдом дочь.

— Пепельный Лед, — прошептал Рорик. Его голос звучал глухо, словно пробиваясь сквозь толщу воды. — Древнее имя этого королевства. Я всегда считал, что это метафора. Что наши предки называли так эти земли из-за вулканического пепла в нижних слоях мерзлоты. Но пепел... он ведь остался от чего-то. От чего-то, что сгорело дотла.

Свечение рук Алисы достигло пика. Лунный диск дрогнул, словно мираж. И тогда она *услышала*. Не ушами — самым своим существом. Голос. Он не имел пола, возраста или тембра.

Он был подобен треску тысячелетних ледников и шепоту пустоты между звездами. *«Пробудившаяся»*.

Алиса ахнула, хватая ртом ставший стеклянным воздух. *«Ты несешь мою кровь, дитя смертного. Кровь Первого Холода»*. — Кто ты? — беззвучно спросила Алиса, шевеля губами. *«Я — то, что было до королей. До вашего жалкого солнца. Я — Великая Стужа. Та, что спит в ядре вашей луны. Ты тянешься ко мне, потому что ты — моя нить. Моя игла, которой я однажды распорю ткань этого гниющего, перегретого солнцем мира»*. — Я не хочу разрушать, — паника подступила к горлу. — Я хочу жить. Хочу любить. Хочу выйти замуж за кузнеца и печь хлеб! Лунный свет стал невыносимо ярким. Боль пронзила виски Алисы. *«Выбор есть иллюзия, сотканная слабыми. Твоя судьба — не печь хлеб. Твоя судьба — принести истинную зиму. Те, кого вы называете демонами льда, те чудовища, что рвут ваших дозорных на Перевале — это лишь слепые, одичавшие осколки моей силы. Ты — первая за тысячу лет, кто способен говорить. Прислушайся. Чувствуешь?»*

Алиса посмотрела на свои руки. Свечение начало пульсировать в такт чему-то огромному, далекому. словно сердце великана билось в унисон с ее собственным. Связь была установлена. Канал открыт. Она больше не была просто девушкой, которая умеет морозить лужи. Она стала антенной. Приемником. Она ощутила всю мощь севера разом. Почувствовала миллионы квадратных миль вечной мерзлоты. Увидела спящих подо льдом левиафанов. Поняла, почему птицы улетают на юг — они инстинктивно боятся тени, которую отбрасывает ее суть.

Свет резко погас. Алиса рухнула на колени в снег. Сил не осталось даже на то, чтобы поднять голову. Зубы выбивали дробь, но не от холода — от пережитого экстаза и ужаса. Рядом тяжело дышал отец. Снег вокруг них испарился, обнажив черную, теплую землю, покрытую тонким слоем тумана.

— Ты слышал? — выдавила она. — Слышал, — голос Рорика был сломлен. Он сел прямо в грязь, привалившись спиной к поленнице. — Значит, сказки бабок про Ледяную Королеву оказались хрониками. — Она хочет, чтобы я уничтожила мир, — слезы текли по щекам Алисы, мгновенно замерзая дорожками соли. — Я чувствую это желание внутри себя. Как жажда. Если я дам ему волю... — Ты не дашь, — Рорик нашел в темноте ее руку. Его ладонь была сухой и горячей, как печная заслонка, и этот контраст причинял физическую боль. — Потому что ты моя дочь. И часть этой земли. Пепельный Лед жесток, но он справедлив. Он убивает, чтобы сохранить баланс. Возможно... возможно, твой дар нужен не для разрушения. Может быть, грядет нечто такое, против чего нужна вся мощь Великой Стужи.

Они просидели так до полуночи. Молчание больше не казалось им уютным. Оно было наполнено знанием. Алиса смотрела на луну другими глазами. Теперь она видела там не просто небесный камень. Она видела тюрьму. Тюрьму, ключ от которой рос прямо из ее позвоночника.

Когда они вернулись в дом, Илва ждала их с лампой в руках. Она не спала. Увидев лицо мужа — постаревшее за одну ночь на двадцать лет — она всё поняла без слов. — Соберай вещи, — сказала мать, проходя внутрь и зажигая свечи. — Самые теплые. Шерсть, меха. Котелки. — Куда мы едем? — спросила Алиса, стаскивая заледеневшую шубу. — На рассвете уходит торговый обоз на Полночь, — Илва говорила отрывисто, ее обычная мягкость испарилась, уступив место стальной решимости. — Сказались чумой. Заколотили ворота. Если будем менять лошадей каждые пятьдесят лиг и держаться вдали от трактиров, через месяц выйдем к Южному Морю. Там власть Церкви заканчивается. Найдем корабль до Островов Дракона. Там живут маги-отступники. Они знают, что делать с одержимыми стихиями. — Мы станем изгнанниками, — тихо произнес Рорик. — У нас не будет дома. — Наш дом закончился сегодня, когда заговорила луна, — Илва подошла к мужу и взяла его лицо в ладони. — Лучше быть живыми собаками на краю света, чем мертвыми львами в золотой клетке инквизиции. Наша девочка сгниет на костре раньше, чем поймет, что такое любовь.

Алиса слушала их разговор, сидя на сундуке. Внутри нее боролись две сущности. Маленькая напуганная крестьянка, которая хотела прижаться к матери и забыть обо всем. И та новая, пугающая сущность, что расправила крылья в ее душе под лунным светом. Она положила руку на живот. Там, где сходятся ребра, зарождалось странное чувство абсолютной ясности. Выживание действительно было ежедневной борьбой. Только теперь поле битвы переместилось из заснеженных полей Пепельного Льда внутрь ее собственного сердца.

До рассвета оставалось четыре часа. Четыре часа на то, чтобы навсегда похоронить старую жизнь. Завтра она перестанет быть дочерью погибшего рыцаря. Завтра она станет дочерью Пепельного Льда в куда более страшном и великом смысле. И путь ее лежал туда, где заканчиваются карты, а океан встречается с вечной полярной ночью.

Глава 2. Вторжение Багрового Заката

Рассвет не принес облегчения. Он окрасил горизонт в цвет запекшейся крови, пробиваясь сквозь свинцовую тяжесть низких туч. Алиса стояла у нагруженной телеги, кутаясь в две шерстяные шали сразу, и смотрела на Северные ворота форта.

Обоз состоял из семи повозок. Купцы, пара дезертировавших стражников, семья углежогов с тремя детьми и они — Рорик, Илва, сама Алиса и ее пятилетняя сестра Мира. Никто ни с кем не разговаривал. Тяжелый скрип осей и фыркание лошадей были единственным звуком в звенящей от мороза тишине. Страх перед инквизицией гнал их прочь от обжитых мест, но страх перед белой смертью заставлял жаться друг к другу.

— Ворота открывают раз в час, — хрипло сказал Рорик, подходя сзади. Его единственный глаз слезился то ли от ветра, то ли от бессонной ночи. — Если следующая проверка задержится, мы опоздаем к смене ледовых проводников. В Мертвом лесу без них нас сожрут волки или заберет туман.

Алиса ничего не ответила. Она смотрела на небо. Лунный серп уже истаял, бледнея под напором злого утреннего солнца, но связь никуда не делась. Внутри нее пульсировал холодный кристалл, отзываясь на каждое дуновение ветра. Ей казалось, что если она поднимет руку, то сможет остановить рассвет одним щелчком пальцев. Эта мысль пугала ее больше, чем перспективы замерзнуть в чащобе.

Внезапно воздух дрогнул. Это был не порыв ветра. Земля мелко завибрировала, передавая дрожь через толстые подошвы сапог прямо в кости. Лошади заржали, пятясь и пытаясь встать на дыбы. Углежог бросился успокаивать животных. Один из купцов, выглянув из-под полога своей богатой кибитки, побледнел так, что его борода казалась приклеенной к мертвому лицу. — Что это? Землетрясение? — пискнула Мира, цепляясь за юбку матери.

Илва прижала дочь к себе, глядя на север, откуда шел звук. Звук нарастал стремительно. Низкий, утробный гул, переходящий в ритмичный лязг. Так звучит тысяча мечей, ударяющих о тысячи щитов одновременно. Но ритм был слишком быстрым для тяжелой пехоты Пепельного Льда. Слишком... горячим.

Южная стена форта, скрытая от их глаз складами и жилыми бараками, внезапно озарилась вспышкой. Не желтым светом пожара, а ослепительно-белым, почти солнечным пламенем. Спустя секунду донесся оглушительный треск — звук ломающегося камня и плавящегося льда. — Засада! — закричал комендант ворот, выбегая из караулки. — К оружию! Южане!

Рорик среагировал мгновенно. Инстинкты «Щита Севера», погребенные под годами забвения, взорвались яростью загнанного зверя. — Всем с телег! — рявкнул он, выхватывая из ножен свой старый полуторный клинок. Тот самый, тренировочный, которым утром бил Алису. Сейчас сталь ловила кровавые отблески рассвета. — К западной стене! Там есть старая калитка для дровосеков! Бегом!

Купцы заметались. Их жирное золото оказалось бесполезным против настоящей угрозы. Дезертиры-северяне первыми обнажили оружие, встав плечом к плечу с Рориком. — Я остаюсь здесь, — бросил отец, не оборачиваясь. Он смотрел на юг, где над крышами домов теперь поднимался черный маслянистый дым. — Задержу их у главных ворот. Уводи семью, Рорик. Ты знаешь дорогу.

Второй рыцарь, седой ветеран по имени Бранн, сплюнул на снег. — Старый дурак. Одному там не выстоять. — Мне и не нужно стоять, — отрезал отец. — Мне нужно купить вам десять минут. Идите!

Илва вцепилась в рукав мужа, но Рорик лишь коротко поцеловал ее в лоб, мазнув губами по замерзающей слезе, и толкнул в сторону Алисы. — Береги мать. Береги сестру. Вы — всё, что у меня осталось настоящего.

Алиса хотела крикнуть, броситься за ним, прикрыть спину. Но рука матери железной хваткой сжала ее предплечье. — Он прав, — прошептала Илва. Глаза ее стали сухими и страшными. — Мы должны бежать.

Они побежали. Телега осталась брошенной посреди площади, мешая панике остальных беженцев. Узкая улочка между амбарами вела к старой калитке. За спиной раздался второй взрыв, гораздо ближе. На головы посыпалась крошка кирпича и куски смерзшегося снега.

Когда они обогнули последний склад, Алиса увидела Западную стену. То, что она приняла за укрепления южан, было адом. Армия королевства Багровый Закат шла сплошной стальной лавиной. Но это была не та пехота, которую описывали ветераны отца. Впереди армии шли Огнерожденные. Голые по пояс, несмотря на лютый мороз, мужчины с кожей цвета обожженной глины. Они несли огромные баллисты, закрепленные на специальных салазках. Вместо обычных тяжелых болтов эти машины метали сосуды из толстого стекла, наполненные алхимическим огнем. Сосуд разбивался о каменную кладку стены, и жидкое пламя растекалось по льду. Оно не просто горело — оно пожирало камень. Стена толщиной в три локтя начала оседать внутрь, превращаясь в шипящую магму. Лед, веками державший фундамент крепости, вскипал, выпуская облака смертельного пара.

— Калитка! — крикнул Бранн. — Заперто изнутри! Он навалился всем весом, пытаясь выбить окованную железом створку плечом. Позади, со стороны главных ворот, слышался боевой рог южан. Звук был низким, вибрирующим, похожим на стон раненого быка. И тут же ему ответил другой звук — предсмертный вопль сотен людей. Главные ворота продержались ровно столько, сколько обещал отец. Десять минут.

Алиса обернулась. Площадь перед воротами превратилась в мясорубку. Сквозь пролом вливалась тяжелая кавалерия Багрового Заката. Их лошади были защищены латами из красной меди, а всадники носили глухие шлемы в виде оскаленных демонических масок. В руках они держали не копыя, а длинные клинки, вдоль лезвий которых бежало зеленое химическое пламя. Одно касание таким оружием — и человек вспыхивал как промасленная ветошь, крича и катаясь по снегу, пока огонь выжигал легкие изнутри.

Она видела отца. Рорик стоял в самом узком месте прохода, словно скала среди прибоя. Его движения потеряли всякую экономность тренировок. Это был танец чистой ярости. Он вращал тяжелым мечом с такой скоростью, что тот сливался в серебристый диск, отсекая руки, ноги и головы. Кровь на таком морозе не брызгала — она застывала в воздухе рубиновой пылью. Но навстречу ему вышел воин, отличавшийся от остальных. Огромный, закованный в броню из черного вулканического стекла, с плащом из багрового бархата. В одной руке он держал гигантский тесак, в другой — металлический цилиндр. Цилиндр плюнул струей синего огня. Рорик попытался увернуться, но пламя прошло по касательной. Левая сторона его тела исчезла в яркой вспышке. Броня расплавилась, впиваясь в плоть. Отец упал на одно колено, опираясь на меч, как на костыль. Черный рыцарь подошел вплотную и коротким, небрежным движением обезглавил его.

Алиса почувствовала, как внутри нее рвется нить. Та самая пуповина холода, связывавшая ее с миром, натянулась до предела и лопнула. Воздух вокруг девушки резко похолодел. Температура упала на двадцать градусов за долю секунды. Пар изо рта Бранна, пытавшегося выломать калитку, превратился в иней прямо в воздухе. — Назад! — закричал кто-то из купцов. — Они прорвались во двор!

Створка калитки наконец поддалась, вылетая вместе с косяком. Обозники ринулись в узкий лаз, ведущий в лесополосу. Бранн втолкнул туда Иллу с Мирой, затем схватил Алису за плечи. — Живо! — прорычал он ей в лицо. — Живее, девчонка! Или твоя смерть будет напрасной!

Его слова привели ее в чувство. Ноги сами понесли ее в спасительную темноту щели. Последнее, что она увидела, прежде чем тьма старого хода поглотила ее, был огромный детина-

южанин, который поднял на копье тело одного из углежогов и размахивал им, как знаменем, смеясь беззубым ртом.

Старая дренажная канава воняла гнилью и талой водой. Они ползли по ней, утопая по грудь в грязном месиве. Илва несла Миру на спине, хотя девочка была уже слишком тяжелой для истощенной женщины. Бранн шел впереди, расчищая путь огромным тесаком. Алиса двигалась последней. Ее платье пропиталось ледяной слизью, но она не чувствовала холода. Внутри нее разгорался пожар иного рода — сухой, пепельный гнев, высушивающий слезы еще до того, как они успевали скатиться по щекам.

Канава вывела их к оврагу за пределами досягаемости осадных машин. Наверху все еще шел бой — форт Пепельного Льда умирал тяжело, огрызаясь последними залпами арбалетов и редкими всполохами магии старых гарнизонных магов, которые пытались заморозить алхимический огонь южан, лишь ускоряя таяние стен.

Бранн вытянул всех наверх, на твердую землю, скрытую зарослями сухого шиповника. — В Мертвый лес нам нельзя, — выдохнул он, падая на колени. Из раны на его бедре текла кровь, смешиваясь с грязью. — Огнерожденные пустят по следу своих Гончих. Звери учуют нас даже под землей. Нужно уходить по руслу Сухой реки. Там камни, запах смое. — Моя шуба... — простонала одна из женщин-купчиха, трясаясь от ужаса. — Все мои меха остались в телеге... — Замолчи, — тихо, но так страшно произнес Бранн, что женщина подавилась собственным дыханием. — Благодаря богам, что твои кишки остались при тебе.

Илва опустила Миру на пенек. Девочка зашлась в кашле — болотная вода попала в легкие. Мать принялась хлопать ее по спине, размазывая грязь по лицу ребенка. — Нам нужно двигаться, — сказала Алиса. Ее голос звучал чужим, механическим. — Если мы останемся здесь, нас найдут до заката.

Они пошли. Русло Сухой реки представляло собой коридор из острых базальтовых обломков. Идти приходилось медленно, постоянно рискуя переломать лодыжки. Солнце поднялось выше, начав припекать спины, отчего мокрая одежда стала невыносимо тяжелой. Мира плакала всю дорогу. Сначала она звала отца, потом — теплую кровать. Илва пыталась петь ей колыбельные, но сбивалась на полуслове, давясь рыданиями.

К полудню они услышали лай. Бранн остановил колонну, подняв кулак. Он принялся, как дикий зверь. — Гончие Багрового Заката, — прохрипел он. — Полукровки. Смесь волка и чего-то из Нижних миров. Они бегут по нашему следу. Скорость у них выше нашей раза в два. — Сколько у нас времени? — спросила Алиса, проверяя, легко ли выходит меч из ножен. — Минут пять, если повезет, — Бранн посмотрел на Илву и Миру. Затем перевел взгляд на Алису. — Я задержу их. Уведи мать и сестру к Каменному Зубу. Это старая сторожевая башня в трех лигах отсюда. Там могут быть остатки королевской гвардии. Попробуй затеряться среди них. — Я могу помочь, — ровным голосом сказала Алиса. — Я владею мечом. — Ты владеешь деревяшкой, — отрезал ветеран. — А там будут настоящие демоны. Делай, что сказано. Когда услышишь мой рог — бегите не оглядываясь.

Он снял с пояса сигнальный рог, отдал его Алисе и шагнул назад, в сторону их следов. — Я люблю тебя, доченька, — вдруг сказала Илва, хватая Алису за руку. Хватка ее была слабой, лихорадочной. — Что бы ни случилось внизу... помни, ты всегда была светом.

Алиса кивнула, не доверяя своему голосу. Она подтолкнула вперед плачущую Миру, взяла мать под локоть, и они двинулись дальше, спотыкаясь о камни. Каждый шаг отдавался болью в коленях.

Через минуту позади раздался рев. Это был не человеческий крик. Бранн встретил первую волну Гончих. Звуки боя были короткими: визг раненых псов, смачные удары стали о плоть и одинокий, полный первобытной злобы рык ветерана. Затем протрубил рог. Три корот-

ких, булькающих звука. — Бегом! — закричала Алиса, дергая едва стоящую на ногах Илву. — Мама, соберись! Ради Миры!

Они перешли на шаткий бег. Каменное ущелье закончилось, выводя их на открытое плато. До башни оставалось около лиги открытого пространства, покрытого жестким настом. Идеальное место для лучников. Или для погони.

Гончие выскочили из-за скал спустя несколько мгновений. Их было десятка полтора. Размером с годовалого теленка, покрытые свалявшейся черной шерстью, которая местами переходила в хитиновую чешую. У некоторых росли дополнительные пары паучьих лап. Пасти сочились едкой слюной, дымящейся на морозе и проедающей ямы в снегу.

Алиса встала перед матерью и сестрой, выставив вперед меч. Тренировочная сталь показала ей смехотворной игрушкой перед лицом этой бездны. Первая тварь прыгнула. Она целилась не в горло, а в глаза. Алиса нырнула вниз, уходя с линии атаки, и полоснула мечом по брюху. Клинок соскользнул с жесткой шерсти, оставив лишь неглубокую царапину. Пес приземлился позади, перекатился и тут же атаковал снова, заходя сбоку.

Это была не драка. Это было истребление. Алиса двигалась на чистых инстинктах, вбивая в мышцы уроки отца. Уклоняйся. Экономь силы. Не дай себя укусить. Она пропустила выпад второго пса. Челюсти клацнули в дюйме от бедра, но острые зубы зацепили край платья, разрывая ткань. Потеря равновесия стоила ей падения. Третий пес взвился в воздух, целясь клыками прямо в сонную артерию.

Время замедлилось вновь. Но на этот раз холод пришел не лунным сиянием. Он пришел слепящей яростью. Мир сузился до точки удара. Алиса перестала быть дочерью рыцаря, беглянкой или девушкой, мечтающей печь хлеб. Она стала воплощением зимы, которой надоели игры. Она не махнула мечом. Она *приказала* миру остановиться. Из ее вытянутой ладони вырвался не просто поток холода, а концентрированный стержень абсолютного нуля. Воздух перед ней сгустился, превращаясь в игольчатое стекло. Стержень ударил летящего пса точно в грудь. Тварь не загорелась и не закричала. Шерсть, кожа, мясо и кости обратились в пыль за мгновение до соприкосновения. Остался только силуэт из мерцающего инея, который рассыпался мелкой серебряной трухой.

Остальные Гончие замешкались. Инстинкт подсказывал им, что эта двуногая добыча опаснее других. Этой заминки хватило, чтобы Алиса вскочила на ноги. Ее волосы покрылись сединой инея. Глаза светились льдистой голубизной. Она шагнула вперед, перехватив меч обратным хватом. — Прочь, — выдохнула она.

Она не использовала сложную магию. Она просто высвободила часть той связи, что установила прошлой ночью. Она позволила Великой Стуже течь через сталь. Каждый удар ее меча теперь сопровождался взрывом замороженного воздуха. Она не резала плоть — она дробил ее, превращая внутренности врагов в стеклянную крошку. Лапа, занесенная для удара, отлетала от тела, хрупкая, как сосулька. За тридцать секунд она убила пятерых. Остальные, подвивая, начали отступать, прячась за камнями. Животные понимали язык боли лучше слов.

— Алиса! — истошный крик матери прорезал звон в ушах.

Девушка обернулась. Илва лежала на снегу. Одна из тех немногих Гончих, что обошли поле битвы, вцепилась женщине в ногу, терзая бедро. Мира стояла над матерью, вооружившись лишь острым камнем, и беспомощно била пса по голове, не причиняя никакого вреда.

Ярость, чистая и горячая, как свежая кровь, затопила разум Алисы. Она развернулась и метнула меч. Тяжелый тренировочный клинок, налитый ее силой, пролетел разделявшее их расстояние как стрела. Он вошел монстру точно в основание черепа. Пес рухнул, дергая лапами.

Алиса подбежала к матери. Илва была бледна, губы синели. Кровь толчками выходила из разорванной артерии. — Тише, мама, сейчас, — Алиса сорвала с шеи собственный шарф и туго перетянула ногу выше раны. — Мы дойдем до башни. Там лекарь...

Илва открыла глаза. Взгляд ее был ясным и совершенно спокойным. Она потянулась ослабшей рукой и коснулась щеки дочери. — Холодная, — прошептала она, улыбаясь уголком рта. — Как ледышка... Помнишь, как ты родилась? Ты грела меня своим холодом тогда... Спасла от лихорадки...

Пальцы Илвы дрогнули. По ее телу прошла последняя судорога. Глаза уставились в серое, равнодушное небо. Сердце, измученное голодом, холодом и ужасом этого дня, остановилось.

Мира закричала. Это был не плач испуганного ребенка. Это был животный вой существа, у которого заживо вырвали половину души. Она бросилась на тело матери, пытаясь потрясти ее, привести в чувство.

Алиса сидела на коленях в красном от крови снегу. Шарф набух темной влагой. Тепло окончательно покинуло тело Илвы, и теперь она становилась частью вечной мерзлоты Пепельного Льда. Внутри Алисы царила звенящая пустота. Боль потери должна была сжечь ее дотла, но вместо этого она столкнулась с той холодной сущностью, что жила в ее груди. И сущность победила. Горе замерзло, превратившись в алмазную ненависть.

Она подняла голову. На горизонте, там, где возвышался Каменный Зуб, поднимались столбы дыма. Башня тоже пала. Королевская гвардия либо сторела в собственном масле, либо бежала, бросив северные рубежи. Юг победил. Пепельный Лёд пал за одно утро.

Алиса посмотрела на свои руки. Они больше не дрожали. На коже расцветал сложный узор изморози, похожий на татуировку. Она посмотрела на юг, в ту сторону, откуда пришла армия Багрового Заката. Где-то там, в столице южан, сидел король-пиромант, празднующий победу. Где-то там правил орден фанатиков Вечного Света, сжигавших таких, как она.

Мира продолжала скулить, прижимаясь к остывающему боку матери. Алиса сняла свою запасную шаль и укутала сестру. Затем она подняла из снега свой меч. Лезвие покрылось толстой коркой чужой крови и льда. — Вставай, — сказала она сестре. Голос ее был лишен всяких эмоций, напоминая скрип расколотого льда. — Мы идем на Юг. — Куда? — Мира подняла заплаканное, перепачканное лицо. — Нас там убьют. — Всех не убьют, — Алиса помогла девочке подняться. — Я найду тех, кто делает огонь. И научу их бояться холода.

Она подобрала валявшийся на снегу мех с остатками воды, закинула узел с жалкими пожитками на плечо и пошла прочь от двух холмиков, которые совсем скоро сравняет с землей пурга. За ее спиной, над дымящимися руинами форта Пепельный Лёд, солнце начало садиться. Небо стало густо-багровым, отражая название вражеского королевства. Для всего мира это был закат эпохи севера. Для Алисы это был лишь багровый фон, на котором ее собственная тень казалась особенно длинной и острой, как лезвие косы.

Глава 3. Первая Кровь и Лунный Свет

Пепельный Лёд остался за спиной черным шрамом на белом теле земли. Первые два дня они шли вдоль русла Сухой реки, прячась в ледяных кавернах от патрулей Багрового Заката. Алиса двигалась механически. Ее тело стало сосудом для одной-единственной функции — выживания. Она рубила сухостой коротким тесаком Бранна, растапливала снег в котелке, делила крошечные куски вяленого мяса между собой и Мирой. Сестра перестала плакать на второй день. Шок превратил пятилетнюю девочку в безвольную куклу с огромными, пустыми глазами. Мира просто переставляла ноги, держась за полу сестриной шубы, словно утопающий за обломок мачты.

На третий день кончилась еда. На четвертый — топливо для костра. Мороз, который раньше был их родной стихией, союзником, теперь стал палачом. Он не убивал быстро; он вытягивал силы по капле, сковывая суставы тупой болью и заставляя разум мутнеть. — Мы должны зайти в лес, — сказала Алиса вечером четвертого дня, глядя на тлеющие угли. — В камнях мы окоченеем до рассвета. Нужно найти хоть какую-то пещеру или старый бурелом. — Там волки, — тихо отозвалась Мира. Это были первые слова девочки после смерти матери. — Волк сыт нами будет один раз, — жестко ответила Алиса. — А холод ест нас уже четвертую ночь подряд. Поднимайся.

Мертвый лес встретил их тишиной. Не той благоговейной тишиной севера, когда скрип снега звучит как музыка сфер, а мертвой ватой. Деревья здесь стояли черные, убитые давней болезнью или магическим выбросом. Ветви напоминали скрюченные пальцы прокаженных. Ни птиц, ни белок, ни даже следов зайца. Земля под ногами пружинила от слоя гниющей хвои.

Алиса вела сестру вглубь чащи, пока небо окончательно не почернело. Над головой смыкался такой плотный полог мертвых ветвей, что лунный свет едва пробивался вниз серыми, пыльными лучами. Наконец она увидела то, что искала — огромный выворотень. Корнями вековой сосны вверх вздымало пласт дерна, образуя естественную арку высотой в человеческий рост. Внутри пахло сыростью и грибами, но это было укрытие.

Они забились в самый дальний угол каменного логова. Алиса сняла с себя верхнюю меховую безрукавку и закутала в нее Миру, прижав дрожащее тельце к себе. Собственное тепло уходило стремительно. Зубы девушки начали выбивать дробь, которую она больше не могла сдерживать силой воли. Голодное истощение делало свое дело — барьеры падали. Она закрыла глаза, пытаясь уснуть хотя бы на час, чтобы дать отдых гудящим ногам. Но вместо темноты перед внутренним взором встало лицо Илвы. Улыбка матери в момент смерти. *«Ты грела меня своим холодом...»*

Хватит, — мысленно приказала Алиса самой себе. — *Жалость убивает быстрее стали.*

Ночь сгущалась. В лесу начало происходить движение. Сначала это был тихий треск сухой ветки где-то слева. Затем — низкий, утробный рык, совсем не похожий на голос обычного зверя. Алиса крепче обняла сестру, положив руку на рукоять меча. Сталь была ледяной, почти обжигая ладонь сквозь перчатку.

Вход в их убежище заслонила массивная тень. Это был не волк. И не Гончая южан. Тварь напоминала медведя, вставшего на задние лапы, но покрытого не шерстью, а панцирем из черного льда, усеянного шипами. Из пасти, полной игольчатых зубов, валил густой белый пар, тут же оседавший инеем на стенах пещеры. Глаза существа горели тусклым фиолетовым огнем. Один из тех демонов мерзлоты, о которых шепотом говорили ветераны отца — одичавшие порождения Великой Стужи, сбежавшие из полярных пустошей.

Демон втянул воздух ноздрями. Его голова повернулась прямо к укрытию. Взгляд остановился на Алисе. Разум покинул эти глаза тысячелетия назад; осталась только вечная, космическая жажда тепла, которого так много было в этих двух маленьких телах.

Тварь шагнула внутрь. Каменный свод оказался ей мал — острые края ледяного панциря высекли искры из базальта. Демон наклонил голову, готовясь к броску. Расстояние было слишком малым для замаха мечом.

Алиса действовала инстинктивно. Она толкнула Миру глубже в щель между корнями, загородив ее собственным телом, и выставила вперед левую руку, раскрытую ладонью. — Нет! — крикнула она. Голос сорвался на хрип.

Демон ударил. Лапа размером с небольшую наковальню метнулась вперед со скоростью гадюки. Когти, способные вспороть рыцарскую броню, устремились к лицу девушки. Время замедлилось. Алиса видела каждую зазубрину на черных когтях. Видела капли смерзшейся слюны, летящие вместе с ударом. Она почувствовала, как тот внутренний родник холода, который она пыталась игнорировать все эти дни, вдруг вскипел. Отчаяние, страх за сестру и леденящий ужас смешались в горячую смесь. Ей нужно было остановить эту массу плоти и льда. Любой ценой.

Она не использовала сталь. Она потянулась к существу через саму ткань реальности. Из центра ее ладони вырвался невидимый импульс абсолютного нуля. Воздух между ней и демоном кристаллизовался мгновенно. Пространство схлопнулось, издав звук лопнувшей струны. Лапа монстра встретилась не с мягкой плотью, а с монолитной плитой прозрачного, сверхплотного льда толщиной в локоть. Раздался оглушительный хруст. Черный панцирь на конечности демона пошел сетью трещин, а затем рассыпался в мелкую пыль. Кости внутри захрустели, превращаясь в стеклянную труху.

Демон взревел от боли и ярости, отдергивая покалеченную лапу. Он замахнулся снова, на этот раз целясь в туловище Алисы. Девушка перекатилась, закрывая собой Миру, и ударила мечом снизу вверх, целясь в брюхо, не защищенное толстым льдом. Тренировочная сталь вошла в плоть неожиданно легко, скользнув между ребрами. Обычный зверь рухнул бы от такого удара, истекая кровью. Но демон лишь пошатнулся. Фиолетовый огонь в его глазах вспыхнул ярче. Огромная пасть раскрылась, и поток жидкого мороза — концентрированного дыхания зимы — ударил в грудь Алисы.

Боль была мгновенной и абсолютной. Ее не обожгло. Обжигает жар. Ее заморозили живо. Одежда на груди затвердела, превращаясь в ледяной саркофаг. Ребра сдавило так, будто их зажали в тиски. Легкие отказались впускать воздух — каждый вдох грозил разорвать альвеолы острыми кристаллами собственного замерзшего выдоха. Алиса упала навзничь, придавленная невыносимой тяжестью собственной заледеневшей крови. Меч выпал из ослабевших пальцев и воткнулся в землю рядом с головой Миры.

Демон победно взревел. Раненая лапа висела плетью, но три здоровые конечности уверенно понесли многотонную тушу вперед, чтобы раздавить хрупких теплокровных существ. Мира закричала тонко, пронзительно — звук, который должен был стать последним звуком в этом мире.

И тогда взошла Луна.

Свод пещеры, пусть и заросший мертвыми ветвями, имел просвет ровно над входом. Полная, ослепительно белая луна Пепельного Льда поднялась над горизонтом именно в этот миг. Серебряный луч, острый как бритва, прорезал тьму укрытия и упал точно на лицо Алисы.

Кожа девушки, уже начавшая синеть от асфиксии и переохлаждения, внезапно изменилась. Сосуды под ней проступили не синими, а ярко-голубыми линиями, пульсируя в такт неземному ритму. Черты лица заострились, теряя последние остатки детской мягкости. Глаза распахнулись. Радужка исчезла полностью, растворившись в сплошном, сияющем серебре слепящего зимнего света.

Боль ушла. Холод, парализовавший ее тело, перестал быть врагом. Он стал ею самой. Древняя сущность, спавшая в ядре луны, посмотрела на мир глазами своей дочери. Мир для Алисы изменился навсегда. Она больше не видела гнилого леса. Она видела потоки энергии. Дыхание демона было багровым пятном ненависти и голода. Тепло тела Миры позади — маленьким желтым угольком, который нужно защитить любой ценой. А сама она... Она была океаном. Бесконечным, спокойным и абсолютно смертоносным океаном первозданного холода.

Демон занес ногу для последнего удара. Алиса плавно, текуче поднялась с земли. Она не оттолкнулась руками — левитация пришла сама собой, подчиняясь смене гравитации вокруг нее. Температура в пещере начала падать с катастрофической скоростью. Капли влаги на стенах обратились в иней еще на пути к полу. Выдыхаемый Мирой пар теперь замерзал в воздухе, не успевая сформироваться в облачко, и падал вниз мелкой алмазной пылью.

— Ты пришел за теплом, — произнесла Алиса. Голос ее звучал одновременно девичьим и древним, как гул сходящих лавин. Он резонировал сам по себе, заполняя собой весь объем пещеры.

Демон замер. Инстинкты, миллионы лет эволюции во льдах, кричали этому созданию бежать. Оно смотрело не на человека. Оно смотрело на Зиму, обретшую форму. На свою Пра-мать.

Но голод был сильнее страха. Или демон был слишком глуп, чтобы понять масштаб угрозы. Он снова взревел и бросился вперед, открыв пасть для нового потока морозного дыхания.

Алиса не стала уклоняться. Она шагнула навстречу, протянув обе руки вперед, ладонями вверх. Она не атаковала. Она *позволила*. Пространство перед ней потеряло свои свойства. Воздух сжался, проходя точку росы, минуя состояние жидкости, и превратился в Абсолютный Ноль. Ослепительное синее сияние вырвалось из ее ладоней. Это не был огонь. Огонь дает свет и жизнь. Этот свет нес только структуру и окончательный покой. Луч чистой стратосферной синевы, лишенный всякого тепла, ударил демону в грудь.

Звук, последовавший за этим, нельзя было описать словами человеческого языка. Это был вопль распадающейся материи. Ледяной панцирь на груди твари не треснул. Он начал расширяться изнутри. Молекулы воды, составлявшие плоть демона, перестали двигаться. Связи рвались одна за другой. Кристаллическая решетка льда перестроилась в новую, невозможную форму — твердый вакуум. Демон попытался закрыться здоровой лапой. Лапа отделилась от туловища по плечевому суставу, превратившись в идеальную ледяную статую, и беззвучно рассыпалась на тысячи осколков. Луч прошел насквозь. Он не остановил своего движения, вонзившись в камень задней стены пещеры. Базальт там мгновенно остекленел, покрывшись узорами фрактального инея глубиной в пять локтей.

Существо умерло стоя. Еще секунду оно казалось живым, а затем колени подогнулись. Туша рухнула на пол. Но она не ударилась о камни. Тот синий свет, что коснулся ее первым, продолжал работать. Демон обращался в лед целиком — от костей до мыслей. Процесс шел от центра к периферии. Когда свечение погасло, на полу пещеры стояла идеально гладкая, прозрачная скульптура умирающего чудовища, пойманного в момент предсмертного рева. Если присмотреться, можно было увидеть каждую жилку, каждое капиллярное ответвление, застывшее в вечности.

Наступила звенящая тишина. Синий свет медленно угасал в ладонях Алисы. Серебро в ее глазах померкло, возвращая нормальную человеческую радужку, окруженную кругами дикого, нечеловеческого истощения. Связь с луной истончилась, отпуская ее сознание обратно в брэнное тело. Гравитация вернулась разом. Удар о землю выбил из легких последний жалкий глоток воздуха. Алиса упала на колени, тяжело дыша. Каждый вдох причинял мучительную боль — легкие были воспалены от контакта с экстремальным холодом. Сердце билось где-то

в горле, слабое и неровное. Рана на груди, куда попал выдох демона, под повязками из тряпок представляла собой жуткое зрелище: кожа почернела, став похожей на обгоревшую, но при прикосновении оказалась твердой, как обсидиан, и холодной настолько, что казалась неживой.

Мира выползла из своего угла. Девочка больше не кричала. Она молча подошла к сестре и опустилась на корточки, заглядывая ей в лицо. Маленькая ручка осторожно коснулась щеки Алисы. — Ты стала вся светиться, — прошептала Мира. — Как звезда. Было очень красиво. И страшно.

Алиса попыталась улыбнуться, чтобы успокоить сестру, но мышцы лица не слушались. Она лишь слабо кивнула и перевела взгляд на ледяную статую. Понимание того, *что* она сделала, обрушилось на нее всей массой северного неба. Она не просто защитилась. Она стерла существо из бытия, обратив его в музейный экспонат одним усилием воли. И самое страшное — часть ее сознания наслаждалась этим. Той холодной, древней части понравилось чувствовать абсолютную власть над жизнью и смертью. Понравилось видеть, как враг становится прекрасным и неподвижным.

— Нам нужно идти, — прохрипела Алиса, опираясь на стену, чтобы подняться. Каждое движение отзывалось пожаром в замороженных тканях. — До рассвета осталось недолго. Если южане найдут труп этого... они пойдут по следу магии. — Куда мы идем? — спросила Мира, помогая сестре поднять тяжелую безрукавку. — На Юг, — повторила Алиса старую мантру. Сейчас она звучала иначе. Не как план побега, а как приговор. — Я найду источник их огня. И я покажу им, что такое настоящий холод.

Утро застало их глубоко в лесной чаще. Лес постепенно менялся. Мертвые деревья уступали место обычным соснам, хотя воздух оставался тяжелым и спертым. Следов людей или южных патрулей не было уже сутки. Казалось, война закончилась сразу за руинами форта, оставив северные дебри самим себе.

Рана на груди Алисы не кровоточила, но постоянно ныла тупой, тянущей болью. Девушка старалась дышать неглубоко. После вчерашнего выброса сил лихорадка усилилась. Ее знобило даже под тяжелой медвежьей шкурой, которую они сняли с плеч одного из погибших беженцев — нашли беднягу замерзшим в овраге неделю назад. Мира шла впереди, ведя сестру за руку. Роли поменялись: теперь ребенок был штурманом, выбирая путь среди бурелома, а взрослый превратился в вedomый груз.

К полудню они вышли на просеку. Южане прорубали такие просеки широким лезвиями своих боевых топоров, расчищая путь для обозов снабжения. Утоптанная земля, следы сотен сапог, свежий лошадиный навоз. Алиса прижала сестру к земле, спрятавшись за поваленным стволом. — Патруль, — одними губами сказала она.

Их было четверо. Двое пехотинцев в тяжелых латах цвета запекшейся крови, вооруженных короткими кривыми саблями. Один арбалетчик в легкой кольчуге. И командир — человек в черной кожаной броне без знаков различия, вооруженный длинным эстоком. Они шли расслабленно, громко переговариваясь на своем гортанном языке. Чувство абсолютной безнаказанности победителей.

Алиса крепче сжала рукоять меча. Тренировочная сталь против закаленного боевого железа. Четыре противника, двое из которых защищены броней. В обычном состоянии она продержалась бы минуту, прежде чем усталость взяла бы свое. Сейчас, больная и истощенная, она понимала, что шансов нет. Но позволить убить Миру она не могла. — Жди здесь, — приказала она сестре. — Что бы ни случилось. Не выходи, пока я не позову.

Мира вцепилась в ее рукав: — Не надо, Аль. Давай обойдем. Нас не заметят. — Они смотрят на юг, — Алиса кивком указала на направление взглядов солдат. — Значит, бояться того, что придет с севера. Мы притворимся тем самым страхом.

Она вышла на просеку. Шаги ее были неверными, шатающимися. Она намеренно хромала, выставя себя идеальной жертвой — больной девчонкой, отбившейся от каравана. Арбалетчик заметил ее первым и поднял оружие, но командир лениво махнул рукой, опуская арбалет. — Северянка, — констатировал он на ломаном общем языке, подходя ближе. Ухмылка обнажила золотые фиксы. — Заблудилась, детка? Где твои папаша и мамаша? Скоро будут гнить в общей яме?

Остальные солдаты загоготали. Они окружили ее полукругом, отрезая путь к лесу, где пряталась Мира. Алиса позволила своему телу расслабиться, имитируя полную потерю сил. Она опустила меч острием в грязь, тяжело на него опираясь. — Воды... — прохрипела она. — Прошу... сестра...

Командир подошел вплотную. От него пахло дешевым вином, потом и гарью. Он провел мозолистой рукой по ее волосам, грубо хватая за подбородок и поворачивая лицо к свету. — Хорошенькая, — причмокнул он языком. — Такие долго живут в наших лагерях. Будешь чистить котлы и согревать мою постель. Пойдешь добровольно — останешься целой. Мне нравится чистая кожа.

Его рука переместилась ниже, сжимая плечо девушки. Командир попытался развернуть ее, чтобы оценить фигуру. Именно в этот момент Алиса нанесла удар. Не мечом. Ее правая рука, лежавшая на грязном наверху тренировочного клинка, резко дернулась вверх. Но целила она не в горло солдата. Она ударила открытой ладонью ему в солнечное сплетение.

Контакт кожи с кожей. За прошедшие дни она научилась контролировать силу лучше. Ей не нужно было замораживать его насмерть — шум привлечет остальных патрульных на многие мили вокруг. Ей нужно было вывести его из строя быстро и тихо. Из ее ладони вырвался короткий, направленный импульс температуры. Не минус двести градусов, как вчера, а всего лишь около минус ста. Локальная гипотермия нервных узлов. Эффект был мгновенным и жестоким. Кожа командира натянулась, становясь пергаментной. Мышцы живота судорожно сократились, отказываясь принимать команду мозга на вдох. Золотые фиксы клацнули, когда зубы сомкнулись от болевого шока. Глаза вылезли из орбит. Он сложился пополам, хватая ртом воздух, но диафрагма была парализована спазмом. Человек испытывал муки утопления, стоя на твердой земле.

Он упал на колени, царапая собственную грудь. Солдаты на мгновение опешили, глядя на скорчившегося начальника. Этого мгновения хватило Алисе. Она перехватила свой деревянный меч двумя руками. Это было плохое оружие — слишком легкое, без баланса. Но сейчас дерево служило лишь проводником. Первый пехотинец, опомнившись, взревел и бросился на нее, заноса саблю для горизонтального удара. Алиса приняла удар на плоскость своего клинка. Дерево выдержало — спасло то, что удар был нанесен уставшей рукой. Она шагнула в сторону, используя инерцию врага, и впечатала тяжелый стальной эфес деревянного меча ему в висок. Хруст кости прозвучал глухо. Солдат рухнул как подкошенный.

Третий — арбалетчик — наконец понял, что происходит нечто ненормальное. Он отшатнулся, взводя рычаг оружия. Болт сорвался с ложа с характерным щелчком тетивы. Алиса не стала уворачиваться. Она знала, что не успеет. Вместо этого она вложила остаток сил в единственное доступное ей средство защиты — искажение воздуха. Она не создала щит. Она изменила плотность пространства на пути полета болта. Резкий перепад температур создал зону турбулентности. Оперенный наконечник вошел в холодный столб воздуха, и законы аэродинамики сошли с ума. Болт завибрировал, потерял стабилизацию и ушел вбок, вонзившись в ствол сосны далеко в стороне.

Арбалетчик побелел, начиная перезарядку. Второй пехотник, более опытный, не полез напролом. Он начал обходить девушку по кругу, делая короткие, экономные выпады, прощупывая защиту. Алиса чувствовала, как уходит земля из-под ног. Лихорадка сжигала послед-

ние углеводы. Перед глазами поплыли красные пятна. Она оперлась спиной о спину первого, упавшего солдата, переводя дух. Нужно заканчивать. Прямо сейчас.

Она дождалась, пока пехотник сделает очередной выпад, целясь ей в бедро, чтобы обездвигнуть. Алиса пропустила клинок мимо себя, уйдя в глубокий прогиб, который чуть не стоил ей сломанного позвоночника от боли в груди. Оказавшись под рукой врага, она ткнула концом своего меча ему в подколенный сгиб. Сустав — всегда уязвимое место. Мужчина взвыл, потеряв равновесие.

Алиса выпрямилась, крутанувшись на месте. Рукоять меча описала дугу и врезалась точно в переносицу второго пехотника. Носовая кость вошла в мозг. Он упал замертво, не издав ни звука.

Остались арбалетчик и задыхающийся командир. Командир уже начинал приходить в себя, жадно глотая воздух посиневшими губами. Арбалетчик закончил взводить механизм. Его палец лег на спусковой крючок. Он целился Алисе в лоб. Промаяхнуться с десяти шагов невозможно.

Девушка поняла, что увернуться не сможет. Сил на создание воздушного искажения тоже не осталось. Внутренний родник холода пересох, оставив лишь едкий пепел усталости. Она посмотрела в черный зрачок арбалетного болта. Время вновь замедлилось. Она подумала о Мире, которая сидит за бревном, зажав уши руками. О маме, чей шарф сейчас греет плечи сестры. Об отце, чья кровь до сих пор краснеет на снегу возле ворот форта. Если она умрет сейчас, Мира останется одна посреди мертвого леса.

Эта мысль сработала как фитиль в пороховой бочке. Отчаяние, любовь и животный страх за близкого человека взорвали плотину. Алиса не призвала силу. Она *уступила* ей. Она открыла шлюзы настежь, позволив Великой Стуже течь через свое тело бесконтрольно.

Ее фигура на долю секунды потеряла четкость, размазавшись в пространстве. Температура вокруг нее рухнула мгновенно. Выпущенный болт вылетел из ложа. Наконечник соприкоснулся с аурой абсолютного холода, окружающей девушку. Металл не отразился. Он испарился. Железо перешло из твердого состояния сразу в газообразное, развеявшись серебристым облачком пыли в морозном воздухе.

Арбалетчик смотрел на свои руки, всё еще сжимающие бесполезное оружие, не веря глазам. Алиса шагнула к нему. Она не бежала. Она шла медленно, и с каждым шагом трава под ее ногами хрустела, превращаясь в стеклянную крошку. Глаза девушки снова затягивало серебряной пленкой. Солдат издал странный булькающий звук и бросился бежать в лес, бросив даже свой пояс с ножнами.

Командир полз прочь на четвереньках, оставляя кровавый след — спазм диафрагмы повредил внутренние органы. Он пытался достать из-за пояса кинжал, но пальцы не слушались, покрытые черной коркой обморожения.

Алиса подошла к нему. Она возвышалась над ним, источая смертельный холод. Пар от ее дыхания поднимался густым столбом, исчезая высоко в кронах деревьев. Она занесла свой деревянный меч для добивающего удара. Командир посмотрел на нее снизу вверх. В его глазах не было страха смерти. Был суеверный, первобытный ужас перед божеством. Он что-то прошептал на своем языке — молитву своим южным богам Огня.

Алиса остановила замах. Она смотрела на этого человека, на его золотую улыбку, на дорогую кожу его брони. Он пришел на ее землю. Он жег ее дома. Он убил ее отца. Он собирался забрать ее сестру. Она могла превратить его в ледяную статую. Могла заставить его кровь вскипеть в жилах от мгновенного переохлаждения. Могла подарить ему тысячу лет пытки холодом.

Но вместо этого она просто наступила тяжелым сапогом на его запястье, ломая кости. Кинжал отлетел в сторону. Затем она ударила его рукоятью меча по затылку, отправляя в глубокое беспамятство. Убивать его было слишком легким выходом. Пусть живет. Пусть вернется

к своим и расскажет, что на севере проснулось нечто страшнее любых демонов. Пусть несет страх в сердце Багрового Заката.

Когда она обернулась, привалившись к дереву, то увидела Миру. Девочка стояла посреди просеки, бледная как смерть. Она видела всё. Бой, вспышки холода, бегство солдата. — Они хотели сделать мне больно, — тихо сказала Мира, когда Алиса, пошатываясь, подошла к ней. — Ты сделала больно им. — Да, — выдохнула Алиса, садясь прямо в дорожную пыль. Горло горело, легкие разрывались. — Иногда, чтобы защитить тепло, приходится нести лед.

Она достала из сумки побежденных флягу с водой. Вода внутри была теплой. Алиса сделала несколько глотков, стараясь не смотреть на четыре тела. Трое живых, один скоро очнется. Магии хватило только на нейтрализацию, на поддержание жизни требовались обычные навыки.

Закат окрасил небо в те самые багровые тона, которые она ненавидела всем сердцем. — Мы не можем спать здесь, — сказала Алиса, с трудом поднимаясь на ноги и взваливая на плечо сумку с припасами южан. Еда. Настоящая еда, а не сухие корни. — Южане найдут своих до ночи. Нам нужно уйти в самую топь, туда, где их тяжелые сапоги будут вязнуть. — Я боюсь, — прошептала Мира, беря сестру за свободную руку. — Я знаю, — Алиса сжала маленькую ладонь. Впервые за долгие дни она почувствовала, что ее собственная рука кажется теплой по сравнению с тем адским холодом, которым она дышала еще час назад. — Я тоже. Но луна сегодня снова полная. И если станет совсем темно... я буду светить нам.

Они двинулись дальше на юг, углубляясь в заболоченные низины. За их спиной, на покинутой просеке, остались лежать трое свидетелей рождения новой легенды Пепельного Льда. А командир, очнувшись глубокой ночью от пронизывающего до костей озноба, который никогда не отпустит его тело, впервые в жизни возненавидел само понятие «холод».

Глава 4. Голос Воды

Болото поглотило их к исходу второго часа. Мягкий, пружинящий мох сменился черной, зловонной жижей, которая с жадным чавканьем хватала за ноги. Мира начала отставать. Девочка весила не больше перышка от истощения, но каждый шаг давался ей ценой титанических усилий. Она спотыкалась о скрытые под водой коряги и падала в грязь, поднимаясь лишь для того, чтобы снова упасть.

Алиса тащила сестру на спине. Вес ребенка казался неподъемным — мышцы спины, сведенные судорогой после вчерашнего боя, отказывались работать. К тому же добавилась новая мука. Рана на груди, там, где ее коснулось ледяное дыхание демона, пульсировала тупым жаром. Но это был обманчивый жар. Под повязками кожа оставалась твердой, как вулканическое стекло, и холодной настолько, что прикосновение ткани вызывало боль обморожения. Алиса чувствовала, как этот холод медленно расползается по сосудам. Если она останавливала движение хотя бы на минуту, пальцы ног начинало покалывать предательским онемением.

— Мы должны найти сухое место, — прохрипела она, сбрасывая Миру со спины прямо в густые заросли рогоза. — Пять минут. Отдышим.

Сестра свернулась клубком на кочке, дрожа всем телом. Ее бил озноб — лихорадка болотной сырости вступала в свои права. Алиса огляделась. Солнце садилось быстро, окрашивая испарения над топью в болезненный фиолетовый цвет. На юге, куда они бежали, небо было затянуто низкими свинцовыми тучами. Война гнала перед собой погоду — южане принесли с собой не только огонь, но и тяжелые грозовые фронты, которые намертво блокировали северные ветра.

Рядом, пробиваясь сквозь пласты торфа, журчал ручей. Вода в нем была цвета крепкого чая из-за вымываемого железа. Алиса опустилась на колени у кромки воды, пытаясь зачерпнуть немного во флягу убитого южанина. Пальцы не слушались. Суставы опухли и приобрели синюшный оттенок. Она посмотрела на свое отражение. Из темной глади на нее взглянуло чужое лицо. Глаза запали, окруженные черными тенями, губы потрескались до крови. Но страшнее всего были волосы. Та прядь, которую задел поток абсолютного холода при встрече с демоном, стала абсолютно белой. Седина перечеркнула ее висок яркой серебряной полосой. Ей семнадцать зим, а выглядела она на сорок лет старухи, пережившей великую осаду.

Алиса погрузила ладони в воду, надеясь смыть копоть и кровь последних дней. Вода обожгла холодом. Девушка инстинктивно дернулась назад, но замерла. Ощущение было странным. Это не вода обжигала ее. Это *она* обжигала воду. Она снова медленно опустила руку в ручей. Тепло человеческого тела должно было растопить тонкую корочку льда у берега, согрев ближайшие слои жидкости. Вместо этого вокруг ее кисти начало формироваться ледяное кольцо. Вода кристаллизовалась, превращаясь в матовое стекло, расширяющееся кругами.

— Аль? — голос Мира прозвучал слабо, как писк комара. — Что ты делаешь?

Алиса подняла руку. Ледяной рукавец, сковавший кисть, поднялся вместе с ней, сохраняя форму. Вода внутри ручья продолжала течь, огибая невидимую преграду, но слой толщиной в палец оставался твердым, привязанным к коже девушки. Сердце пропустило удар, а затем забило в паническом ритме. Она вскочила на ноги, стряхивая ледяную перчатку. Кольцо разбилось с тихим звоном, осыпавшись в ручей голубоватой крошкой.

Это не закончилось. После битвы в пещере дар изменился. Он перестал быть просто вспышкой ярости, неконтролируемым выбросом стихии. Теперь он стал... текучим. Осознанным. Она присела обратно, стараясь дышать ровно, успокаивая бешено скачущее сердце. Нужно проверить. Очень осторожно. Алиса протянула ладонь над самой поверхностью воды, не касаясь ее. Она вспомнила то чувство пустоты, которое испытала вчера ночью под луной. Вспомнила ощущение океана внутри себя. *Поднимись.*

Сначала ничего не произошло. Шелестел камыш, кричала какая-то птица в чаще. А потом... вода послушалась. Тонкая струйка темно-бурой влаги отделилась от общего потока. Она зависла в воздухе вопреки законам тяготения, изогнувшись дугой, словно змея, привлеченная игрой заклинателя. Струйка подплыла к лицу Алисы. Девушка закрыла глаза. Она чувствовала вес этой воды, каждую молекулу, связь между ними. Связь эта держалась не на магии слов, которой учат придворных чародеев, а на чем-то более глубоком — на резонансе температур. Вода тянулась к той точке пространства, где энтропия замедлялась под взглядом Великой Стужи.

— Ты похожа на свою бабушку, когда так шуришься.

Голос раздался откуда-то сверху, сухой и скрипучий, как трение двух старых поленьев. Алиса вздрогнула. Магический захват сорвался. Струя воды плюхнулась обратно в ручей, обдав брызгами юбку. Девушка резко обернулась, выставив вперед руку в защитном жесте, готовая высвободить мороз. На толстой ветке старой ольхи, нависавшей над ручьем, сидел человек. Он был одет в лоскуты — нечто среднее между мешковиной и шкурой оленя, сшитое жилами. Лицо его представляло собой карту морщин, выдубленную солнцем и ветром. Волосы росли клочьями, седые с одной стороны и грязно-рыжие с другой. Но глаза... Глаза были молодыми, ярко-желтыми, радужка которых почти сливалась со зрачком. Глаза хищной птицы.

Незнакомец сидел совершенно неподвижно, балансируя на ветке, которая едва прогнулась под его весом. Между пальцев его босых ног проскакивали маленькие электрические искорки. — Не стоит тратить силы на старого ворчуна, лунная дева, — усмехнулся он, обнажая ряд кривых, пожелтевших зубов. — У тебя впереди долгий путь, а твои запасы тепла сейчас ограничены одним жалким биением сердца.

Алиса слотнула. Паника боролась в ней с необходимостью защитить сестру. — Кто ты? — хрипло спросила она. — Южанин? Еще один демон мерзлоты? — Я тот, кто предпочел общество клещей и комаров обществу инквизиторов и королей, — пожал плечами старик. — Можешь звать меня Хозяином Болота. Хотя местные бобры зовут меня старым пнем, когда думают, что я не слышу. А вот тебя, дитя, мне называть страшно. Твой крик вчера ночью разбудил даже тех, кто спит на дне самых глубоких омутов.

Мира, услышав человеческую речь, выползла из зарослей. Она спряталась за спину сестры, вцепившись в ее пояс мертвой хваткой. Старик перевел взгляд желтых глаз на девочку и тут же смягчился. Морщины вокруг глаз разгладились. — Совсем цыпленок, — вздохнул он. — Замерзнет. Идет «ржавчина», девчонки. Настоящая, мокрая. Южане пригнали своих магов-погодников, те перекрыли все теплые течения с юга. Завтра здесь будет минус двадцать и дождь. Вы превратитесь в две сосульки еще до полуночи. — Нам нужно идти дальше, — упрямо сказала Алиса. Каждое слово отдавалось болью в промороженных легких. — На юг. — На юге вас ждет костер, — отрезал старик. — Только гореть в нем будете вы, а не дрова. Инквизиция Солнца уже расставила сети. Они ищут пепел Севера. Особенно такой холодный пепел, как твой. Тебе нельзя к людям. Ни к солдатам короля, ни к крестьянам. Тебя сдадут за миску похлебки и отпущение грехов.

Он оттолкнулся от ветки. Старик упал вниз, но не рухнул мешком, а приземлился мягко, по-кошачьи, подняв облачко торфяной пыли. Воздух вокруг него запах озоном — запахом приближающейся грозы. — Следуй за мной, — бросил он через плечо. — Моя берлога ближе, чем кажется. Там есть сухие шкуры и котелок кипятка. Спорить бесполезно — я старше твоего страха.

Алиса колебалась. Всю жизнь отец учил ее не доверять незнакомцам. Но логика старика была безупречной. Идти в открытой степи или гнилом лесу без огня означало самоубийство. А сил на очередной бой у нее не осталось. Даже если старик окажется врагом, она успеет превратить его в лед прежде, чем он сделает шаг. — Хорошо, — кивнула она. — Мира, иди рядом со мной. Не отходи.

Они шли недолго. Старик вел их не тропами, а звериными лазами, петляя между поваленными стволами так уверенно, будто видел в полной темноте. Вскоре показался холм, который издалека казался обычным нагромождением земли и корней. Однако, подойдя ближе, Алиса увидела вход — идеально круглый провал, уходящий под землю, замаскированный плащом из живого плюща. — Добро пожаловать в самое здоровое легкое этих земель, — провозгласил старик, откидывая плетеную из ивняка крышку люка. — Спускайтесь. И осторожнее головой, потолок низкий. Строил под себя, а ростом я не вышел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.